

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: СТРАТЕГИИ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Научная статья
УДК 332.14(571.6)
<https://elibrary.ru/GSHMLX>

Стратегические приоритеты демографического развития Дальнего Востока России

Мария Анатольевна Грицко

Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия
gritsko@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7853-0413>

Аннотация. В статье представлен анализ итогов реализации Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года в разрезе демографических параметров (численность населения, суммарный коэффициент рождаемости, ожидаемая продолжительность жизни, смертность от всех причин). Показано, что по всем рассматриваемым индикаторам прогнозные значения не были достигнуты. Причины отклонения фактических результатов от запланированных во многом обусловлены последствиями распространения пандемии новой коронавирусной инфекции, следствием которой стали резкий рост смертности населения и снижение ожидаемой продолжительности жизни в 2020–2021 гг. Среди дальневосточных территорий наиболее результативным субъектом стала Республика Саха (Якутия), в которой разрыв между плановыми и фактическими показателями был минимальным. Рассмотрена новая Стратегия демографической политики Дальнего Востока до 2030 года и на перспективу до 2036 года, принятая Правительством Российской Федерации в феврале 2026 года, что свидетельствует о сохранении общенационального приоритета социально-экономического развития дальневосточного макрорегиона, в котором демография занимает одно из ключевых направлений. В новой Стратегии целью ставится сохранение демографического потенциала на уровне 2023 года, что предполагает совершенствование действующих и внедрение новых инструментов демографического развития.

Ключевые слова: стратегия, демографическая политика, численность населения, общий прирост, естественный прирост, миграционный прирост, субъект РФ, Дальний Восток

Благодарность: статья подготовлена в рамках государственного задания ИЭИ ДВО РАН.

Для цитирования: Грицко, М. А. Стратегические приоритеты демографического развития Дальнего Востока России // Власть и управление на Востоке России. 2026 № 1 (114). С. 8–16. EDN: GSHMLX

Original article

Strategic Priorities for Demographic Development of the Russian Far East

Mariya A. Gritsko

Economic Research Institute of FEB RAS, Khabarovsk, Russia
gritsko@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7853-0413>

Abstract. *This article presents an analysis of the implementation results of the Far East Demographic Policy Concept through 2025, broken down by demographic parameters (population, total fertility rate, life expectancy, and all-cause mortality). It is shown that forecast values were not achieved for all indicators. The deviations in actual results from planned ones are largely due to the effects of the spread of the novel coronavirus pandemic, which resulted in a sharp increase in mortality and a decrease in life expectancy in 2020–2021. Among the Far Eastern territories, the Sakha Republic (Yakutia) emerged as the most effective region, with the gap between planned and actual indicators being minimal. The new Strategy for Demographic Policy for the Far East through 2030 and into 2036, adopted by the Government of the Russian Federation in February 2026, was reviewed. This demonstrates the continued national priority of socioeconomic development in the Far Eastern macroregion, where demography is a key focus. The new Strategy sets the strategic goal of maintaining demographic potential at the 2023 level, which entails developing existing and implementing new demographic development tools.*

Acknowledgments: the article has been prepared in accordance with the state task of the Economic Research Institute FEB RAS.

Keywords: *strategy, demographic policy, population size, total growth, natural growth, migration growth, subject of the Russian Federation, Far East*

For citation: Gritsko, M. A. (2026) Strategic Priorities for Demographic Development of the Russian Far East. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 1 (114), pp. 8–16. EDN: GSHMLX

Введение

Демографическое развитие Дальнего Востока неизменно занимает одно из ключевых мест среди стратегических направлений социально-экономического развития самой обширной по площади территории Российской Федерации¹. С момента объявления дальневосточного макрорегиона приоритетом государственной региональной политики вопросы стабилизации и увеличения численности населения на Востоке страны содержатся в большинстве документов стратегической направленности² [Рыбаковский, Рыбаковский, Фадеева, 2020; Белоусова, Грицко, 2022]. Однако, несмотря на предпринимаемые меры, направленные на сохранение и приумножение демографического потенциала, численность населения макрорегиона продолжает сокращаться [Минакир, 2021; Социально-экономическая динамика... , 2022; Грицко, 2025].

Демографический потенциал дальневосточного макрорегиона

Сокращение населения на Дальнем Востоке продолжает оставаться одним из ограничений социально-экономического развития [Прокапало..., 2025]. На начало 2025 года численность населения, проживающего в Дальневосточном федеральном округе, составила 7 866,3 тыс. чел. За более чем десятилетний период реализации «восточного вектора развития страны» макрорегион потерял 368 тыс. человек или 4%. Идентичная демографическая динамика наблюдалась практически во всех субъектах Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО). Максимальное сокращение демографического потенциала произошло в Еврейской автономной области – на 13%, в Магаданской области – на 9%, в Забайкальском

крае – на 8%. Минимальные демографические потери наблюдались в Республике Бурятия – 1%. При этом единственным среди дальневосточных субъектов региона с положительным приростом населения остается Республика Саха (Якутия): за период 2015–2024 гг. численность населения региона увеличилась на 5% или на 47,6 тыс. человек (табл.1).

Демографические потери макрорегиона складывались за счет естественной и миграционной составляющих. За рассматриваемый период из общего сокращения населения на долю естественных причин приходилось 32%, миграционная убыль занимала 68% от общих демографических потерь. Вместе с тем, с 2020 г. кардинальным образом изменилась структура факторов общей убыли населения, в которой основная доля теперь приходится на отрицательный естественный прирост населения [Российский Дальний Восток, 2025].

Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года

До 2025 г. основным документом стратегического характера, направленным на решение вопросов демографического развития макрорегиона, была принятая в 2017 г. Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г.³ (далее – Концепция). В качестве стратегической цели была обозначена стабилизация численности населения Дальнего Востока на уровне 8,3 млн человек к 2020 г. и ее увеличение до 8,6 млн человек к 2025 г.

Основными направлениями реализации демографической политики, направленной на стабилизацию и рост численности населения, являлись: повы-

¹ Юрий Трутнев: Повышение демографии – приоритетное направление развития Дальнего Востока. URL: <https://75.ru/news/432865> (дата обращения: февраль 2026 г.).

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 июня 2017 года № 1298-р (с изменениями на 29.11.2023). «Об утверждении Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года». URL: <https://docs.cntd.ru/document/436744671> (дата обращения: январь 2026 г.); Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2020 № 2464-р «Об утверждении Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года» URL: <http://static.government.ru/media/files/NAISPJ8QMRZUPd9LIMWJoeVhn1l6eGqD.pdf> (дата обращения: январь 2026 г.)

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 июня 2017 г. № 1298-р (с изменениями на 29.11.2023 г.) «Об утверждении Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года». URL: <https://docs.cntd.ru/document/436744671> (дата обращения: январь 2026 г.).

Таблица 1

Численность населения на начало года, тыс. человек

Территория	2015 г.	2020 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.	изменение 2025 г. к 2015 г.	
						тыс. чел.	%
ДФО	8 228,6	8 066,6	7 903,9	7 866,3	7 860,3	-368,3	0,96
Республика Бурятия	976,9	982,1	974,6	971,9	971,1	-5,8	0,99
Республика Саха (Якутия)	959,0	976,7	997,6	1 001,7	1 006,6	47,6	1,05
Забайкальский край	1 072,1	1 025,1	992,4	984,4	983,8	-88,3	0,92
Камчатский край	309,8	296,4	288,7	288,9	288,2	-21,6	0,93
Приморский край	1 925,0	1 877,7	1 820,1	1 806,4	1 799,7	-125,3	0,93
Хабаровский край	1 335,2	1 310,4	1 284,1	1 278,1	1 273,5	-61,7	0,95
Амурская область	806,5	782,7	756,2	750,1	753,0	-53,5	0,93
Магаданская область	147,4	138,6	134,3	133,4	134,5	-12,9	0,91
Сахалинская область	480,6	473,7	460,5	457,6	457,6	-23,0	0,95
Еврейская автономная область	166,4	154,7	147,5	145,8	144,4	-22,0	0,87
Чукотский автономный округ	49,7	48,5	47,8	48,0	47,8	-1,9	0,96

Источник: Численность постоянного населения на 1 января. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31557> (дата обращения: февраль 2026)

шение рождаемости, обеспечивающее воспроизводство населения; снижение смертности и рост ожидаемой продолжительности жизни; сокращение миграционного оттока постоянного населения; привлечение на территорию Дальнего Востока мигрантов на постоянное место жительства, их адаптация и интеграция в общество; содействие переселению соотечественников, проживающих за рубежом, на постоянное место жительства в субъекты Российской Федерации, входящие в Дальневосточный федеральный округ; создание условий и стимулов для закрепления молодежи на территории Дальнего Востока и привлечения молодых специалистов из других регионов.

Реализация демографической политики, согласно Концепции, предполагалась в два этапа: первый охватывал 2017–2020 гг., второй – 2021–2025 гг. Для каждого периода были установлены ожидаемые результаты и их количественные измерители. В число результирующих показателей входили численность населе-

ния, суммарный коэффициент рождаемости (далее – СКР), общий коэффициент смертности населения от всех причин (на 1 тыс. чел.), ожидаемая продолжительность жизни (далее – ОПЖ), реальные денежные доходы населения, доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (уровень бедности), доля малоимущих граждан, получивших государственную социальную помощь на основании социального контракта. В Концепции предполагался рост численности населения Дальнего Востока к 2025 г. до 8,6 млн человек.⁴ За 9 лет реализации Концепции ожидаемый рост численности населения должен был составить порядка 425 тыс. человек.

Отклонение фактических результатов от запланированных на первом этапе реализации Концепции подробно проанализировано в ранее опубликованной работе автора [Грицко, 2021]. Второй этап, равно как и первый, завершился с существенным отклонением по всем демографическим параметрам (табл. 2).

⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.06.2017 №1298-р (с изм. на 29.11.2023) «Об утверждении Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года» <https://docs.cntd.ru/document/436744671>.

Таблица 2

Демографические результаты второго этапа реализации Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года

Территория	Численность населения*			СКР*			Смертность от всех причин*			ОПЖ*		
	П	Ф	О	П	Ф	О	П	Ф	О	П	Ф	О
	ДФО	8,60	7,86	-0,74	2,07	1,47	-0,60	10,5	13,1	2,6	76	69,81
Республика Бурятия	1,02	0,97	-0,05	2,24	1,51	-0,73	8,8	12,2	3,4	76,65	69,54	-7,11
Республика Саха (Якутия)	1,02	1,01	-0,02	2,35	1,53	-0,82	8,1	8,2	0,1	77	73,55	-3,45
Забайкальский край	1,07	0,98	-0,09	2,03	1,55	-0,47	9,9	14,3	4,4	75,11	67,17	-7,94
Камчатский край	0,32	0,29	-0,03	1,99	1,57	-0,42	9,6	12,8	3,2	76	70,43	-5,57
Приморский край	2,01	1,80	-0,21	1,97	1,41	-0,56	10,5	14,2	3,7	76	70,06	-5,94
Хабаровский край	1,46	1,27	-0,19	2,05	1,41	-0,64	10,2	14	3,8	76,3	70,33	-5,97
Амурская область	0,81	0,75	-0,05	2,00	1,39	-0,61	10,5	14,2	3,7	76	68,25	-7,75
Магаданская область	0,15	0,13	-0,02	1,90	1,29	-0,61	10,8	12,7	1,9	75	69,3	-5,7
Сахалинская область	0,50	0,46	-0,04	2,25	1,71	-0,54	9,5	14,2	4,7	76,5	70,22	-6,28
Еврейская автономная область	0,17	0,14	-0,03	2,02	1,36	-0,66	11	15,1	4,1	75	68,3	-6,7
Чукотский автономный округ	0,06	0,05	-0,01	2,13	1,66	-0,47	9,7	10,3	0,6	75	66,56	-8,44

Примечание: П – целевое плановое значение показателя из Концепции, Ф – фактически достигнутое значение, О – отклонение планового показателя от фактического.

*. численность населения приведена на начало 2025 года, СКР – среднегодовое значение за 2025 год; ОПЖ – за 2023 год, смертность от всех причин – 2024 год.

Источники: Численность постоянного населения на 1 января. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31557>; Суммарный коэффициент рождаемости (Я1). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/62852>; Число зарегистрированных умерших в расчете на 1000 населения (оперативные данные). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33537>; Ожидаемая продолжительность жизни при рождении. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31293> (дата обращения: февраль 2026 г.).

Отклонение ожидаемых результатов от запланированных по всем демографическим показателям во многом было следствием событий шоковой природы, с которыми столкнулась социально-экономическая система [Дальний Восток России..., 2021; Смирнов, 2025]. Активная фаза распространения пандемии новой коронавирусной инфекции привела к резкому росту показателей смертности населения и соответственно естественной убыли населения. Так, в первый год распространения пандемии отрицательное сальдо естественного движения в 2,5 раза превысило показатель предыдущего года, а по итогам 2021 г. показатель увеличился еще в 1,76 раза [Грицко, 2025]. На фоне избыточной смертности населения был скорректирован тренд ожидаемой продолжительности жизни населения. В период 2015–2019 гг. наблюдалась ежегодная положительная динамика, рост показателя составил 1,6 года, по итогам 2019 года значение показателя составило 70,08 лет. За два года пандемии ожидаемая продолжительность жизни населения сократилась до 67,95 лет. Все достигнутые ранее результаты были не только полностью нивелированы, но и превышены, поскольку потеря потенциальных лет жизни за этот период превысила по своему масштабу прирост показателя за предыдущие годы. При этом необходимо отметить, что в макрорегионе, в отличие от среднероссийской динамики, допандемийный уровень показателя не достигнут [Грицко, Мотрич, 2025].

Стратегия демографической политики Дальнего Востока

В феврале 2026 г. Правительством Российской Федерации была утверждена Стратегия демографической политики Дальнего Востока на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. (далее – Стратегия)⁵. Документ был принят в продолжение действовавшей до 2025 г. Концепции демографической политики Дальнего Востока.

Новая Стратегия определяет цели, задачи и основные механизмы государ-

ственной демографической политики Российской Федерации в субъектах Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа. Стратегия сформирована с учетом геостратегической значимости макрорегиона, его уникальных пространственных, природно-климатических и социально-экономических особенностей и продолжающегося снижения численности населения. Сохранение численности населения на уровне 2023 года определено как цель государственной демографической политики Дальнего Востока до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.

Основными задачами государственной демографической политики на Дальнем Востоке определены: обеспечение опережающего социально-демографического развития, повышение уровня и качества жизни населения на Дальнем Востоке; повышение уровня рождаемости за счет реализации семейно ориентированной демографической политики и дополнительных стимулирующих мер для рождения детей с учетом региональной специфики, совершенствования системы поддержки семей с детьми, многодетности и укрепления семейных ценностей; содействие в успешном совмещении гражданами семейной и профессиональной реализации, развитие системы корпоративной поддержки работников с детьми, стимулирование многодетности; формирование политики здоровьесбережения, укрепление репродуктивного здоровья граждан, формирование культуры здорового образа жизни и здорового долголетия; создание условий для обеспечения прироста населения, закрепления молодежи, привлечения студентов и квалифицированных специалистов.

Стратегией предусмотрено два этапа реализации: первый охватывает период 2026–2030 гг., второй – 2031–2036 гг. Ожидается, что по итогам реализации мероприятий на первом этапе будет достигнут нулевой естественный прирост населения, к 2036 году предполагается

⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.02.2026 №170-р «Об утверждении Стратегии демографической политики Дальнего Востока на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: <http://static.government.ru/media/files/T9ePmAniCPclfTbI2js06F08Xca36dlH.pdf> (дата обращения: февраль 2026 г.).

достижение положительного естественного прироста населения.

В Стратегии обозначено два варианта перспективной демографической динамики. В случае инерционного сценария, предполагающего сохранение сложившихся тенденций социально-демографического развития, отсутствия кардинальных изменений качества жизни населения, численность дальневосточников к 2030 году составит 7,675 млн человек, 2036 году – 7,476 млн человек. Таким образом, по инерционному сценарию сокращение численности населения к концу первого этапа реализации Стратегии составит порядка 185 тыс. человек, а за весь период – 384 тыс. человек. Для сравнения, сокращение населения за период 2020–2025 гг. составило в целом по макрорегиону 206,4 тыс. человек.

Второй сценарий развития, предполагающий изменение демографической динамики в соответствии с национальными целями развития и с учетом реализации государственной политики опережающего демографического развития, предполагает стабилизацию численности населения на уровне 7,866 млн человек. Причем эта численность зафиксирована и как результат реализации первого этапа, и второго. Таким образом, исходя из текста документа, общего прироста населения на Дальнем Востоке в перспективе до 2036 года не ожидается. При этом в тексте Стратегии сказано, что результатом реализации мероприятий второго этапа должен стать положительный естественный прирост. Согласно этому тезису можно заключить, что стабильная динамика до 2036 г. будет следствием положительного естественного прироста и отрицательного миграционного баланса.

В отличие от предыдущего документа, прогнозные оценки демографической ситуации, содержащиеся в Стратегии, не предполагают увеличения численности населения, а только его стабилизацию на уровне базового 2023 г. Отсутствие в Стратегии роста перспективной численности населения в дальневосточном

макрорегионе является свидетельством крайне неблагоприятной демографической ситуации, складывающейся в целом в России и Дальнем Востоке в частности. Разработке Стратегии предшествовал период, в котором в отличие от предыдущего документа, было отмечено ухудшение основных демографических параметров вследствие действия объективных причин и событий шоковой природы.

В новом документе стратегического демографического развития Дальнего Востока содержится ограниченное количество прогнозных индикаторов, приведенных в целом по макрорегиону без региональной проекции. Количественные значения в Стратегии указаны только для перспективной численности населения. В отношении целевых параметров рождаемости сказано, что показатели на Дальнем Востоке должны быть выше значений суммарного коэффициента рождаемости, установленных национальными целями развития (1,6 к 2030 г. и 1,8 к 2036 г.)⁷.

Следует отметить, что Принятие стратегического документа предполагает регулярный мониторинг ключевых параметров развития. Однако современная ситуация с ограниченной доступностью основных демографических индикаторов значительно усложняет этот процесс для научного и экспертного сообщества.⁶

Заключение

Принятие Стратегии демографической политики Дальнего Востока на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года свидетельствует о сохранении общенационального приоритета социально-экономического развития дальневосточного макрорегиона, в котором демография занимает одно из ключевых направлений. Реализация стратегической цели по сохранению численности дальневосточников на уровне не менее 7,8 млн человек предполагает сохранение действующих и внедрение новых инструментов демографического развития. В ближайшие месяцы на утверждение Правительству РФ должен быть представлен Комплексный план реализации Стратегии

⁶ В 2025 году из открытого доступа убрали более 300 датасетов. Чаще всего скрывали демографическую статистику. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2026/01103/gazeta02.php> (дата обращения: февраль 2026 г.).

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: февраль 2026 г.).

в перспективе до 2036 г., в котором будут представлены мероприятия по каждому направлению демографического развития⁸. Уже сейчас планируется пролонгировать выплаты многодетным семьям на погашение ипотечных займов в размере 1 млн рублей до 2029 г.⁹ Этот механизм впервые был введен в 2023 г. для Приморского края, а с 2024 года распространен еще на семь дальневосточных субъектов: Чукотский автономный округ и регионы, в которых суммарный коэффициент рождаемости был ниже среднего значения по

макрорегиону [Грицко, Мотрич, 2025]. Произойдет ли в перспективе перелом отрицательного демографического тренда, говорить пока преждевременно, но особо важно подчеркнуть, что принятие любого стратегического документа развития требует проведение регулярного мониторинга социально-экономических процессов. Эта потребность формирует основу для перспективных демографических исследований и подчеркивает необходимость координации действий всех заинтересованных сторон.

Список источников:

1. Белоусова, А. В., Грицко, М. А. Демографическая динамика Дальнего Востока России в условиях реализации национальных приоритетов: устойчивые тренды и ограничения роста // Регионалистика. 2022. Т. 9. № 6. С. 37–51. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2022.6.37>
2. Грицко, М. А. Демографическая динамика на Дальнем Востоке России: устойчивые тренды и новые вызовы // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 2 (111). С. 18–25. EDN: BFCSQD
3. Грицко, М. А. Социально-демографические параметры Дальнего Востока России в условиях реализации документов стратегического развития // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 2 (95). С. 36–46. DOI 10.22394/1818-4049-2021-95-2-36-46
4. Грицко, М. А., Мотрич, Е. Л. Естественное движение населения в регионах Дальнего Востока России в 2024–2025 гг. // Регионалистика. 2025. Т. 12. № 5. С. 119–130. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2025.5.119>
5. Дальний Восток России: тенденции экономического развития (последствия пандемии) / отв. ред. О. М. Прокапало; Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2021. 200 с.
6. Минакир, П. А. «Восточная государственная социально-экономическая политика»: миссия (не)выполнима? // Пространственная экономика. 2021. Т. 17. № 2. С. 7–15. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.2.007-015>
7. Прокапало, О. М., Бардаль, А. Б., Исаев, А. Г., Мазитова, М. Г. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2024 г. // Пространственная экономика. 2025. Т. 21. № 2. С. 138–183. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2025.2.138-183>
8. Российский Дальний Восток: социально-экономическая конъюнктура / под общ. ред. С. Н. Найден, О. М. Прокапало; Институт экономических исследований ДВО РАН. – Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2025. 213 с.
9. Рыбаковский, Л. Л., Рыбаковский, О. Л., Фадеева, Т. А. Восточный вектор – приоритетное направление демографического развития России // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 4 (101). С. 45–54. DOI: 10.22204/2587-8956-2020-101-04-45-54
10. Смирнов, А. В. Демографические и экономические последствия пандемии COVID-19 в Российской Федерации // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 2. С. 22–39. DOI 10.19181/demis.2025.5.2.2. EDN SLFPOW.
11. Социально-экономическая динамика на Дальнем Востоке России: устойчивые тренды и новые вызовы / отв. ред. П. А. Минакир; Институт экономических

⁸ Главная цель стратегии демографической политики ДФО – увеличить население до почти 8 млн человек. URL: <https://vestidv.ru/news/2026/02/10/115040> (дата обращения: февраль 2026 г.).

⁹ Программу «Миллион за третьего ребенка» в ДФО продлят до 2029 года. URL: <https://dalekayaokraina.ru/news/ekonomika/programmu-million-za-tretego-rebenka-v-dfo-prodlyat-do-2029-goda/> (дата обращения: март 2026 г.).

исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2022. 328 с.

References:

1. Belousova, A. V., Gritsko, M. A. (2022) Demographic Dynamics of the Russian Far East in the Context of the Implementation of National Priorities: Sustainable Trends and Growth Constraints. *Regionalistics*, vol. 9, no. 6, pp. 37–51. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2022.6.37> EDN: ANWPHI (in Russ.).
2. Gritsko, M. A. (2025) Demographic Dynamics in the Far East of Russia: Stable Trends and New Challenges. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 2 (111), pp. 18–25. EDN: BFCSQD (in Russ.).
3. Gritsko, M. A. (2021) Socio-demographic parameters of the Far East of Russia in the conditions of the implementation of documents of strategic development. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 2 (95), pp. 36–46. DOI 10.22394/1818-4049-2021-95-2-36-46 EDN: VELQQU (in Russ.).
4. Gritsko, M. A., Motrich, E. L. (2025) Natural Population Movement in the Regions of the Russian Far East in 2024–2025. *Regionalistics*, vol. 12, no. 5, pp. 119–130. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2025.5.119> EDN: WEGUKW (in Russ.).
5. Russian Far East: Economic Development Trends (Consequences of the Pandemic) / ed. by O.M. Prokapalo; Economic Research Institute of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. – Khabarovsk : ERI FEB RAS, 2021. 200 p. (in Russ.).
6. Minakir, P. A. (2021) ‘Eastern State Socio-Economic Policy’: Mission (Not) Possible? *Spatial Economics*, vol. 17, no. 2, pp. 7–15. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.2.007-015> EDN: RQTLIT (in Russ.).
7. Prokapalo, O. M., Bardal, A. B., Isaev, A. G., Mazitova, M. G. (2025) Economic Situation in the Far Eastern Federal District in 2024. *Spatial Economics*, vol. 21, no. 2, pp. 114–137. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2025.2.138-183> (in Russ.).
8. Russian Far East: Socio-Economic Conditions / Edited by S.N. Naiden, O.M. Prokapalo; Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. – Khabarovsk: ECRIN FEB RAS, 2025. 213 p. (in Russ.).
9. Rybakovsky, L. L., Rybakovsky, O. L., Fadeeva, T. A. (2020) The Eastern Vector – Priority Course of Russia’s Demographic Development. *Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences*, no. 4 (101), pp. 45–54. DOI: 10.22204/2587-8956-2020-101-04-45-54 (in Russ.).
10. Smirnov, A. V. (2025) Demographic and Economic Consequences of the COVID-19 Pandemic in the Russian Federation. *DEMIS. Demographic Research*, vol. 5, no. 2, pp. 22–39. DOI10.19181/demis.2025.5.2.2. (in Russ.).
11. Socio-Economic Dynamics in the Russian Far East: Sustainable Trends and Emerging Challenges / ed. by P.A. Minakir; Economic Research Institute of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. – Khabarovsk : ERI FEB RAS, 2022. 328 p. (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 04.02.2026; одобрена после рецензирования 06.03.2026; принята к публикации 11.03.2026.

The article was submitted 04.02.2026; approved after reviewing 06.03.2026; accepted for publication 11.03.2026.

Информация об авторе

М. А. Грицко – кандидат экономических наук, ученый секретарь, Институт экономических исследований ДВО РАН.

Information about the author

M. A. Gritsko – Candidate of Economics, scientific secretary, Economic Research Institute of FEB RAS.